

Создание литературной карты Урала в путевой очеркестике Д. Н. Мамина-Сибиряка*

Елена Власова

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

Drawing a Literary Map of the Urals in the Travel Essays of D. N. Mamin-Sibiryak

Elena Vlasova

Perm State University,
Perm, Russia

Travel essays became not only an attempt at writing but also an important part of D. N. Mamin-Sibiryak's later works. This study uses the method of mapping developed in literary geography. The choice of the mapping technique as the main method of research is due to both the internal features of the writer's creative thinking (correlation of the artistic space of his works with the real geography of the Urals, a special mapping view of space) and the specific features of the travel genre. A comprehensive geographical methodology for studying literary travel (V. N. Kalutskov) in combination with geopoetic analysis (V. V. Abashev) makes it possible to describe the literary map of the Ural regions present in D. N. Mamin-Sibiryak's travel essays: the Chusovaya River, Yekaterinburg and its suburbs, Old Perm, the Kama in its lower reaches, the Trans-Urals, and the Southern Urals. During the analysis, the author of the article shows the main structural elements of the travel space on the map: routes, stops, types of locals, natural sites, vehicles, and a characteristic of their role in the process of constructing the Ural landscape. The conclusion of the study is connected with the approval of the special constructive mission of the travel essays of D. N. Mamin-Sibiryak, which is based on the geographical, journalistic, figurative and poetic collection of the Ural landscape by combining territories that are different in their own way. The unity of the Ural space is ensured by the special nature of life associated with the mining economy.

* Citation: Vlasova, E. (2022). Drawing a Literary Map of the Urals in the Travel Essays of D. N. Mamin-Sibiryak. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1821–1835. DOI 10.15826/qr.2022.5.763.

Цитирование: Власова Е. Создание литературной карты Урала в путевой очеркестике Д. Н. Мамина-Сибиряка // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1821–1835. DOI 10.15826/qr.2022.5.763 / Власова Е. Создание литературной карты Урала в путевой очеркестике Д. Н. Мамина-Сибиряка // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1821–1835. DOI 10.15826/qr.2022.5.763.

The map of the Ural landscape drawn by the writer in addition to detailed economic and social characteristics forms a dense layer of figurative observations and generalisations, including all-encompassing geopoetic images. Anticipating the formation of an all-Ural geopoetics, D. N. Mamin-Sibiriyak constructed a coherent spatial narrative, which can be called the first literary map of the Urals.

Keywords: D. N. Mamin-Sibiriyak, travel essays, geopoetics, literary mapping, literary geography, literary map of the Urals

Путевые очерки стали не только пробой пера, но и важной частью зрелого творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. В исследовании используется картографический метод, разработанный в литературной географии. Выбор картирования обусловлен как внутренними особенностями творческого мышления писателя (соотнесенность художественного пространства его произведений с реальной географией Урала, особый картографический взгляд на пространство), так и жанровыми особенностями путевой очеркистики. Комплексная географическая методика анализа литературного путешествия (В. Н. Калущков) в соединении с геопозитическим анализом (В. В. Абашев) дали возможность описать литературную карту уральских регионов, которые представлены в путевых очерках Д. Н. Мамина-Сибиряка: это река Чусовая, Екатеринбург и его предместья, Старая Пермь, Кама в ее нижнем течении, Зауралье, Южный Урал. В ходе анализа на карте были проявлены основные структурные элементы пространства путешествия – маршруты, места остановок, типы местных жителей, природные объекты, транспортные средства – и дана характеристика их роли в процессе конструирования уральского ландшафта. Выводы исследования связаны с утверждением особой конструирующей миссии путевых очерков Д. Н. Мамина-Сибиряка, которая основана на географическом, публицистическом и образно-поэтическом собирании уральского пространства за счет объединения его основных территорий. Единство уральского пространства обеспечивается особым характером жизни, связанным с горнозаводским укладом экономики. Нарисованная писателем карта уральского ландшафта включает плотный слой образных наблюдений и обобщений, в том числе емких геопозитических образов. Предвосхищая формирование общеуральской геопозитики, Д. Н. Мамин-Сибиряк конструирует связный пространственный нарратив, который можно назвать первой литературной картой Урала.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, путевые очерки, литературное картирование, литературная география, геопозитика, литературная карта Урала

Д. Н. Мамин-Сибиряк принадлежит к числу тех авторов, художественное мышление которых органично реализуется в пространстве реальной географии. Образы пространства в творчестве писателя обладают определенностью конкретного ландшафта: это качество художественного видения Мамина-Сибиряка не раз отмечалось ис-

следователями в связи с утверждением об уральском характере его творчества [см.: Дергачев, 1989; Дергачев, 1990; Абашев; Кунгурцева; Мельникова]. Однако важно подчеркнуть, что географически точный взгляд на пространство был характерен для маминского творчества в целом, о чем писала, в частности, Н. А. Кунгурцева: «В период первых литературных проб Мамина формируется основополагающая особенность его литературной манеры – обязательная соотношенность событий и действий произведения с географическим пространством Урала, а в более позднем творчестве – с пространством всей России» [Кунгурцева, с. 4]. Особый интерес писателя к путевому жанру, безусловно, связан с этим внимательным, географически выверенным отношением к пространству.

Путевые очерки, открывшие широкому читателю имя начинающего уральского автора, послужили для Мамина-Сибиряка своеобразной творческой лабораторией, в которой началась разработка ведущих тем и художественных приемов, определивших звучание его большой прозы¹. Однако значение маминских путешествий не ограничивается пробой пера. До отъезда в Петербург писатель много ездит по Уралу, в том числе по делам Уральского общества любителей естествознания, членом которого он состоял с 1884 г. По итогам этих поездок регулярно появляются объемные публикации, которые отражают творческие установки писателя на создание целостного образа Урала². На наш взгляд, в путевой очеркостике Мамина-Сибиряка происходит первое литературное картирование уральского пространства, представленное географически последовательным описанием его уникальности. Это положение исследования опирается на метод картирования, разработанный в сфере литературной географии³ – междисциплинарной области, которая сформировалась вокруг идеи сопоставления реального и литературного пространств [см.: Neal, Cooper, Hones et al.].

Как отмечают авторы исследования *Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction*, «литературная география должна быть гораздо большим, чем просто картографической иллюстрацией или вспомога-

¹ Первой заметной публикацией Мамина-Сибиряка стали очерки «От Урала до Москвы», опубликованные в газете «Русские ведомости» в 1881–1882 гг. В число первых значимых публикаций писателя обязательно входят очерки «В камнях» («Дело», 1883) и «Бойцы» («Отечественные записки», 1883) – о сплаве по реке Чусовой.

² Помимо уже названных: «От Зауралья до Волги. Путевые картинки» («Волжский вестник», 1885), «Горой. Из летних скитаний по Уралу» («Сибирский сборник», «Волжский вестник», «Екатеринбургская неделя», 1886), «По Зауралью» («Новости и биржевая газета», 1887), «На Кумысе. Из летних экскурсий» («Русская мысль», 1889), «Поездка на г. Ирмель» («Новости и биржевая газета», 1889), «Старая Пермь» («Вестник Европы», 1889), «Самоцветы» («Русская мысль», 1890), «Орел-городок. Из путешествий по Уралу» (сб. «Путь-дорога», СПб., 1893), «Археологическая поездка по Уралу» («Труды Императорского московского археологического общества», 1894), «Русская заграница» (1903) и др.

³ Наряду с названием «литературная география» (Literary Geography) в этой сфере используются понятия «литературное картирование» (Literary Mapping) или «литературное картографирование» (Literary Cartography).

тельной опорой для научной литературы, в которой все уже сказано» [Piatti, Bär, Reuschel et al., p. 184]. Основной миссией литературного картирования становится интерпретация литературного текста, которая позволяет обнаружить в нем неочевидные смыслы. «Карты, – как точно заметил Франко Моретти, – высвечивают внутреннюю логику повествования: семиотическую область, вокруг которой сюжет объединяется и самостоятельно организуется» [Moretti, p. 6]. Это положение, связанное прежде всего с картированием художественного нарратива, вполне применимо к публицистическим путешествиям, построенным на основе движения в реальном пространстве, и позволяет обнаружить новые аспекты творческой манеры автора. Картирование уральского путешествия В. И. Немировича-Данченко наглядно показало, что основой воссозданного писателем пространства являются «панорамные описания окрестностей с доминирующих высот» [Абашев, Власова, с. 8–9]. Подчеркнем, что жанровая природа литературного произведения во многом определяет характер воображаемого пространства. Не случайно теории литературного картирования говорят о необходимости изучения пространственных аспектов литературных жанров: «Основным направлением будущей литературной географии являются многообразные взаимодействия между реальной и воображаемой географией в различных литературных жанрах (здесь и далее курсив наш. – Е. В.)» [Piatti, Bär, Reuschel et al., p. 180].

Продуктивно также объединение геопоэтического анализа литературного текста [см.: Абашев, Абашева] и подходов, которые в последнее время используются в сфере культурной географии. Среди последних можно опереться на комплексную географическую методику исследования литературных путешествий, которая была предложена В. Н. Калуцковым на материале сахалинского путешествия А. П. Чехова [см.: Калуцков]. В качестве основных параметров в ней используются маршрут путешествия, соотнесение его с историческими путями, транспортные средства путешественника, а также «природные и культурные рубежи, существующие и подмеченные писателем» [Калуцков, с. 77]. Интерпретация перечисленных аспектов направлена на выявление символических мотивов и образов уральского пространства, которые были представлены в путевых произведениях Мамина-Сибиряка⁴. Продолжая изучение «геопоэтических элементов» (В. В. Абашев) в творчестве писателя, наше исследование рассматривает предпринятое Маминым-Сибиряком картирование уральского пространства как один из способов геопоэтического конструирования, то есть создания такого географического образа, который отличают от традиционных пространственных описаний высокая степень рефлексии, целостность ландшафта и символическое осмысление его доминирующих черт [Абашев, Абашева, с. 143–144].

⁴ Теоретико-методологическим ориентиром здесь оказывается совмещение методов создания образных и ассоциативных карт, поскольку, помимо собственно литературных мест, на карту наносятся обобщенные образные значения, см.: [Морозова].

Писателю был присущ особый характер восприятия пространства, что отчетливо проявилось в его путевой прозе. Мамин-Сибиряк любил путешествовать и черпал творческое вдохновение от знакомства с новыми местами вне зависимости от их значимости:

Лично мне решительно было все равно, куда бы ни ехать, а Увильды славились своими рыбными ловлями и массой дичи. Ружье и записная книжка во всех поездках по Уралу для меня составляли весь багаж, а тут в перспективе предстояло прожить в лесу целую неделю в оригинальной обстановке рыбацкой стоянки [Мамин-Сибиряк, 1978, с. 87] (рассказ «Мертвое озеро»).

Умение увидеть и почувствовать неочевидную для других «оригинальность» пространства является отличительным качеством настоящего путешественника, к которым, безусловно, принадлежал Мамин-Сибиряк.

Во время многочисленных путешествий складывалось и укреплялось своего рода картографическое восприятие пространства. Путевые впечатления направлялись целостным представлением о географии движения, и во время поездок писатель активно пользовался картами. В очерках «По Зауралью» карте уделено особое внимание, поскольку она оказывается маркером «анжинерного» отношения к пространству:

– Ну-ко, поглядите, барин, на плант, как теперь речка следствует... – говорил «учитель», припоминая свои поездки по этой дороге.

Со мной была карта Кыштымской дачи, и мы постоянно справлялись с ней, что очень забавляло нашего возницу, сильно не доверявшего «плантам». Пока выходило все верно, и учитель каждый раз повторял: «Ишь ведь... по бумаге едем, как анжинеры» [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 46] (очерк «По Зауралью»).

В связи с большой исследовательской работой, которую писатель проводил во время написания очерков, он постоянно сталкивался с картографическими материалами. В очерке «Самоцветы», посвященном поездке на мурзинские копи, упоминание о карте становится важным свидетельством тщательного изучения темы, с одной стороны, и значимости географического представления о ней, с другой:

Между прочим, я приобрел у г. Калугина очень полезную брошюру, составленную им о мурзинских копиях для Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. в Екатеринбурге. К брошюре приложена карта с обозначением всех существующих копей [Мамин-Сибиряк, 1947, с. 262] («Самоцветы»).

Интерес к картам подтверждает особый конструирующий взгляд на пространство и способность к его прочтению в перспективе целостного образа.

Карты, очевидно, были важным инструментом воображения пространства. Писатель признавался, что заранее представлял себе место путешествия:

В путешествиях такого рода всего интереснее лично для меня проверить составленную воображением картину с действительностью, и я нарочно старался нарисовать себе вперед все то, что скоро предстояло увидеть [Мамин-Сибиряк, 1955b, с. 174] («Поездка на гору Ирмель»).

При этом представленное Маминым-Сибиряком пространство обладает качеством картографической связности, предполагающей четкое понимание его протяженности, структуры и границ. Так, со ссылкой на карту рисует Мамин-Сибиряк любимое им Зауралье:

В широком смысле слова Зауральем можно назвать весь восточный склон Уральских гор с его отрогами и контрфорсами, но у нас под этим именем известна только та часть склона, которая идет к югу от Екатеринбурга, захватывая Екатеринбургский, Камышловский и Шадринский уезды Пермской губернии и часть Оренбургской. *Стоит взглянуть по карте* на бассейны таких рек, как Исеть, Миасс и Уй с их бесчисленными притоками и на целую полосу горных и степных озер, разлегшихся на громадном пространстве, чтобы сразу оценить все преимущества этого так богато орошенного края. Вообще Урал считается золотым дном, но Зауралье – это само золото. Представьте себе такую картину: с одной стороны проходит могучий горный кряж с своими неистощимыми рудными богатствами, лесами и целой сетью бойких горных речек, сейчас за ним открывается богатейшая черноземная полоса, усеянная сотнями красивейших и кишачих рыбой озер, а дальше уже стелется волнистой линией настоящая степь с ее ковылем, солончаками и киргизскими стойбищами [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 21] («По Зауралью»).

Чувство места в сочетании с картографическим видением и живым воображением пространства позволило Мамину-Сибиряку стать первым литературным картографом Урала.

Маршруты путешествий Мамина-Сибиряка говорят о продуманной стратегии описания, связанной с представлением о наиболее значимых его территориях. Ретроспективный взгляд на маминские путевые очерки позволяет обнаружить в них последовательное описание и соединение основных историко-культурных территорий Урала как неоднородного, но экономически и культурно обусловленного единства: Чусовая как коренная магистраль горнозаводского Урала; «трижды благословенное» Зауралье, богатое черноземными почвами, драгоценными камнями и золотом, не случайно писатель называет его «золотом Урала»; Старая Пермь – хранительница чудских древностей и новгородской старины; пустынная дикая Кама, не имеющая ниже Перми никакой истории; Южный Урал, привлека-

ющий своими горными вершинами и национальной экзотикой коренного населения. Все эти области в географическом воображении Мамина-Сибиряка расходятся от Екатеринбурга, который является фактической столицей Урала. Екатеринбург в силу своей значимости составляет самодостаточное урочище, которое вместе с обширными заводскими пригородами получает наименование «горного гнезда» [Мамин-Сибиряк, 2007b, с. 373] (очерк «От Зауралья до Волги»). Его характер определяется «промышленным классом» и независимостью, которую пермские губернаторы называют «непочтением» [Там же]. Мамин-Сибиряк представляет Екатеринбург как европейский город, сдвигая культурные границы Европы за Урал:

Всего курьезнее то приятное изумление, когда эти предусмотрительные путешественники встречают сейчас же за Уралом совсем европейский город, и даже, может быть, европейский с некоторым излишеством: дамы в костюмах от Борта немного режут глаз, потому что и в столице таких немного найдется [Там же, с. 372].

Такова конфигурация основных районов и границ Урала в путевых очерках писателя.

Конечно, в силу путевого характера описания плотность уральского пространства в маминских травелогах оказывается неравномерной: подробнее описаны территории, находящиеся на линии маршрута. Однако благодаря особому картографическому видению, а также множеству вставных очерков, связанных с его предыдущими путешествиями, путевые описания выходят за рамки маршрута и широко охватывают пространство.

Писатель выстраивает ландшафтное⁵ деление уральского пространства, которое учитывает не только географические особенности территории или род занятий населения, но и то, что определяет дух места и выражается в складе характера, отношении к жизни, местной речи. Иногда Мамину-Сибиряку хватает одного выразительного штриха, чтобы дать емкую характеристику целого региона. Специфику Старой Перми Мамин-Сибиряк определяет в опоре на специальную промысловую лексику:

Да, здесь так и пахло еще новгородской стариной, начиная с промысловой терминологии: матица, цырен, обсадные трубки, лоты рассола – все это коренные новгородские слова, за которыми стоит почтенная пятисотлетняя старина [Мамин-Сибиряк, 1951, с. 310] (очерк «Старая Пермь»).

⁵ При использовании понятия «ландшафт» мы опираемся на убедительное обоснование его содержательной и методологической продуктивности в историко-литературных исследованиях, представленное Е. К. Созиной. Культурный ландшафт является «исторически-сложившимся комплексным многослойным образованием, включающим “пейзажные (материальные, физические) и нематериальные (информационные, духовные) компоненты”» [Созина, с. 9].

Установка на обобщение и выделение устойчивых значений пространства становится важной чертой маминских травелогов. Неслучайный характер маршрутов подтверждается тем, что дороги, выбранные Маминым-Сибиряком для своих путешествий, принципиально не совпадали с основными уральскими магистралями. Путевые очерки Мамина-Сибиряка, посвященные сплаву железных караванов по Чусовой, полностью изменили устойчивое представление о том, что Урал располагается вдоль Сибирского тракта. Писатель настойчиво и целенаправленно открывал Урал читателю, меняя благодаря нестандартным маршрутам общие представления о его географии. Даже поездка по уральской железной дороге, к которой после открытия в 1878 г. перешло звание главной транзитной магистрали Урала, представлена у Мамина-Сибиряка в необычном ракурсе. Все дело – в направлении движения: вместо привычного для прежних литературных путешествий движения с запада на восток⁶ Мамин-Сибиряк выбирает западное направление и движется от Екатеринбурга к Перми. Перемена направления заставляет поменять ценностные координаты восприятия. Оказывается, что Екатеринбург может стать центром, который задает и направляет путевые впечатления. Названия «железнодорожных» очерков – «От Зауралья до Волги» и «От Урала до Москвы» – кажутся намеренно заостренными в сравнении с предыдущими путевыми описаниями Урала⁷.

Поскольку движение текста подчинено маршруту путешествия, хронотоп травелога опирается на взаимодействие дорожных наблюдений и остановок, выполняющих роль фокусных точек. Пункты остановок, как правило, определяются целью путешествия. В этом отношении качество остановок на каждом из маршрутов становится выразительной характеристикой создаваемого ландшафта. На Чусовой это пристани и «хватки», по железной дороге от Екатеринбурга до Перми – станции крупных городов-заводов, в Зауралье – усадьбы, заводы и фабрики по обработке металла, золотые прииски и копи самоцветов, на Южном Урале – башкирские деревни, киргизские коши, казачьи станицы; Старая Пермь представлена солеварнями, историческими городами, которые по сравнению с подлинными уральскими городами-заводами получают негативное определение: «село – не село, город – не город, завод – не завод» [Мамин-Сибиряк, 1951, с. 307] («Старая Пермь»).

Главными элементами дорожного наблюдения считаются пейзажные впечатления и описания путевых событий и встреч. Несмо-

⁶ Ранее путевой образ уральского пространства чаще всего был связан с движением путешествующих литераторов на восток: П. И. Мельников-Печерский. «Поездка в Кунгур. Из «Дорожных записок». 1841; П. И. Небольсин. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. 1849; Ф. Ф. Вигель. «Воспоминания». 1864 и др.

⁷ Слышна перекличка с «Заметками на пути из Петербурга в Барнаул» П. И. Небольсина.

тря на большое количество пейзажных описаний, о которых речь пойдет дальше, самыми выразительными образами уральского ландшафта у Мамина-Сибиряка оказываются люди. Их внешность, характер, манера говорить – все это становится тем содержательным наполнением, которое определяет самобытность места. На ассоциативной карте уральских путешествий Мамина-Сибиряка каждый из воображаемых регионов может быть маркирован характерным для данной местности типом местного жителя. Екатеринбургская часть Зауралья будет представлена образом уральского мастерового, «заводской косточкой», Старая Пермь – изможденным служащим березниковского содового завода и невозмутимым «чердаком», который на любой вопрос сможет ответить двумя словами «це ину»; в Перми обосновались многочисленные чиновники, а также краеведы, пишущие древнюю историю Пермской земли; собирательным образом зауральских жителей вполне может служить попутчик автора-путешественника из очерков «По Зауралью», в жизни которого преломились многие занятия жителей Урала:

Приземистый, плотный, с красным спокойным лицом и узкими киргизскими глазами, он являлся очень типичным представителем своей извозчицкой семьи. По своему происхождению «заводская косточка» – «учитель» был из мастеровых закрытого медеплавильного Бымовского завода – он отличался чисто заводской смышленостью, тем более что на своем веку исколесил немало мест: служил поваренком у одного доктора, потом учился при какой-то аптеке «мальчиком», потом работал «в горе», добывая железную руду, «бегал на пароходе» в качестве подручного у пароходного повара, затем крестьянствовал на родине, где у него есть земельный надел, затем работал на пушечном заводе в Перми, лет семь «жил в кучерах» у одного учителя гимназии (отсюда и биржевая кличка) и кончил извозчицким промыслом [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 19–20] («По Зауралью»).

Пейзаж строится на взаимодействии ключевых элементов уральской природы – гор, лесов и рек. В зависимости от конкретного ландшафта эти уральские локусы претерпевают существенные изменения. На Чусовой лес борется за выживание в столкновении с бурным речным потоком и бойцами, стоящими на речных берегах. Писатель рисует падающую с вершины одного из бойцов, как будто раненую, молоденькую ель:

Можно различить даже узловатые корни, которыми молодое деревцо ухватило за острые камни, и кажется, что это судорожно сжатые руки вросли в тощую почву [Мамин-Сибиряк, 2007а, с. 454] («В камнях»).

По направлению от Екатеринбурга к Перми лес становится темным, траурным:

Близость Урала чувствовалась во всем; но особенно резко проявлялась она в характере лесных пород; сосна быстро исчезала, уступая место траурным еловым лесам, пихте и рябине [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 252] («От Урала до Москвы»).

На перевале, где «начинает чувствоваться холод уральских вершин», «мелкий осинник точно забрызган кровью» [Мамин-Сибиряк, 2007b, с. 393] («От Зауралья до Волги»). При описании Южного Урала появляются образы голых, как ладонь, горных склонов и деревьев-мертвецов [Мамин-Сибиряк, 1955b, с. 177, 185] («Поездка на гору Иремель»). Зауральский лес – это «веселые сосновые боры», наполненные пением птиц и богатые дичью [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 253] («От Урала до Москвы»).

Отметим также общее звучание лесных пейзажей в путевой очеркестике писателя. Постоянно обращаясь к пейзажу, пробуя разные краски и образы, Мамин-Сибиряк, согласимся с В. В. Абашевым, чаще всего остается в конвенциях общелитературной традиции [см.: Абашев]. В этих описаниях немного собственно уральского. Самыми выразительными оказываются названные выше образы «траурного елового леса» и осинника, «забрызганного кровью», которые совпадают с другими символическими значениями уральского пространства, связанными с опасным горным трудом, огневой работой уральских заводов, а в целом отсылают к теллурическим значениям уральского ландшафта. Образ траурной зелени повторится в художественной прозе писателя⁸, что подтверждает его значимость для пространственного мира Мамина-Сибиряка.

По-новому выстраивается Маминым-Сибиряком география горного ландшафта Урала. Если раньше Уральские горы благодаря путевым отчетам путешественников ассоциировались с перевалом на Сибирском тракте, то Мамин-Сибиряк показал совершенно другой горный Урал. Внимание писателя сосредоточилось на чувовских бойцах и высоких вершинах Южного Урала – Таганае, Александровской сопке, Иремеле и др. По большому счету, Мамин-Сибиряк проявил эти области на литературной карте России, предложив их характеристику в качестве самобытных ландшафтов.

В горных пейзажах также происходит наслоение общелитературных сравнений, чаще отсылающих к романтической традиции. Но плотность этих образных рядов, сталкивающихся в пределах одного фрагмента, говорит о напряженном поиске выразительного определения:

Можно было пожалеть, что поезд приходит в Кушву ночью и картина окрестных гор проносится, как во сне. При трепетном сиянии месячных лучей видны только массивные силуэты гор, громадными валами тянущи-

⁸ В частности, в романе «Золото»: «Действительно, трудно представить себе что-нибудь лучше такого ельника зимой, когда он стоит по колена в снегу, точно очарованный. Траурная зелень приятно контрастировала с девственной белизной снега» [Мамин-Сибиряк, 1955с, с. 200] («Золото»).

еся к северу; между ними чернеют глубокие лога. Иногда кажется, что поезд мчится по какому-то застывшему исполинскому морю, где волшебной силой все замерло в момент самого сильного волнения: поднявшиеся волны, готовые обрушиться в бездну, так и замерли, и невольно кажется – вот-вот они опять сольются, и все заклоочет кругом; можно даже, при некоторой живости воображения, различить громадный девятый вал, который то там, то сям поднимает свой седой вспененный гребень. Иногда кажется, что впереди выступают крепостные валы и бастионы гигантской крепости, окопанной широчайшими рвами... Но вот прорвется через молочную игру светлой осенней ночи месячный луч и обольет серебряным светом верхи елей и пихт. В воздухе точно протянутся серебряные нити и рассыплются блестящей сверкающей пылью в бархатной зелени сибирского леса. Что может быть красивее такой северной ночи... Вон там спряталась на самом дне глубокого лога покрытая туманом горная речка, а к ней, точно рать великанов, спускаются ели и пихты [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 353] («От Урала до Москвы»).

Пожалуй, самой емкой характеристикой Уральских гор можно назвать образ горного узла, который повторяется в описаниях больших горных массивов:

Мы въезжали в настоящий горный узел, где отроги и разветвления Урала перекрещивались в разных направлениях [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 48] («По Зауралью»).

Дорога от Невьянска заметно начинает забирать в гору – это уже подъем на главный массив уральского кряжа. Около самого Невьянска лес давно истреблен, и во все стороны стелется настоящая пустыня: лес начинает подходить к железной дороге гораздо дальше. Влево от дороги синее какая-то коническая горка, точно большая шапка, а там, на западе – гроздятся тяжелыми массами уже настоящие горы: это начинается дача Тагильских заводов, где красуется целый горный узел, – так называемые Белые горы [Мамин-Сибиряк, 2007б, с. 389] («От Зауралья до Волги»).

Горный узел – это суггестивный образ, который заставляет воспринимать горы как средоточие, символический центр уральского пространства.

Речные локусы разных уральских территорий также обладают своей символической спецификой. Чусовая в качестве главной уральской реки концентрирует в себе его самые значимые черты: природную мощь, тяжесть горного труда, противоборство человека и природы, единство главных стихий уральского пространства – гор, леса и воды. Не случайно Чусовая получает одну из самых ярких символических характеристик, становясь в воображении писателя «железной струей»:

Что ни шаг вперед, то новая картина: здесь скала нависла над рекой, и вода в почтительном молчании катится железной струей под каменной громадой [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 368–369] («От Урала до Москвы»).

Это сравнение связывает Чусовую с железными богатствами уральских недр и выплавкой металла на горных заводах.

Пустынная и медленная Кама в пространственном воображении Мамина-Сибиряка предстает полной противоположностью рабочей Чусовой, что объясняется общим негативным отношением Мамина-Сибиряка к пермской части уральского пространства:

Собственно говоря, Кама – совсем пустынная, дикая река. Селения встречаются редко. Признаков цивилизации никаких, за исключением кой-где вырубленных лесов да двух-трех встречных пароходов. Изредка проползет утлая лодчонка с рыбаками, и опять кругом пустыня: вода, небо, траурный лес по берегам... [Мамин-Сибиряк, 1955а, с. 392] («От Урала до Москвы»).

Зауралье отличается ото всех других уральских регионов чистыми озерами. Писатель называет их «окнами»: «Озеро разлилось сейчас под горой и глядело из зеленой каймы берегов светлым окном» [Мамин-Сибиряк, 1955b, с. 177] («Поездка на гору Ирмель»). Учитывая активность других подземных образов, можно сказать, что эта метафора подтверждает теллурическую направленность маминской геопоэтики.

Как опытный путешественник Мамин-Сибиряк внимательно отнесся к способу путешествия. Более того, он понимал, что выбор транспортного средства влияет на восприятие пространства. В очерках «По Зауралью» читатель сталкивается с выразительной типологией путешествий, основанной на способе передвижения:

Путешествие по железным дорогам и на пароходах с их чиновничьими порядками, бестолковой сутолокой и угнетающим однообразием давно надоело всем и каждому. При одной мысли о вокзалах и пароходных пристанях русского путешественника уже охватывает какая-то судорожная, бестолковая торопливость, и он успокаивается только тогда, когда почувствует себя вещью, сданной в багаж за таким-то номером. Железнодорожные звонки, свистки на пароходах, антрекоты и шней-кляпсы, обжиганье горячим чаем в буфете, и вообще потеря всякой самостоятельности отравляют путешествие по самым лучшим местам, а тут «на долгих» пред вами разворачивается бесконечная поэзия странствования на полной своей воле с долгими кормежками на постоялых дворах, встречами и знакомствами и с неизбежными приключениями [Мамин-Сибиряк, 1952, с. 18] («По Зауралью»).

Мамину-Сибиряку принципиально важно спуститься по Чусовой на железных караванах, проехать деловой екатеринбургский Урал по железной дороге, увидеть северное Прикамье с палубы небольшого парохода, а идиллическое Зауралье почувствовать в неторопливом путешествии «на долгих».

Разделив Урал на неповторимые по своему характеру районы, Мамин-Сибиряк связал их крепкими узами. Во всех путевых описаниях главной темой, направляющей восприятие и оценки, заявляется тема горнозаводского труда. Маминский Урал – это прежде всего горные заводы, горные богатства и «промышленный класс». Исходя из этой ценностной установки выстраивается иерархия уральских урочищ, и остается признать, что административная Пермь и пустынная Кама оказываются в положении антиместа, гетеротопии. Выпадает из маминской карты западная часть башкирского Урала и Оренбуржье, хотя отчасти оно отражено в южноуральских путешествиях писателя. Неполнота карты только подчеркивает, что в воображении Мамина-Сибиряка главные уральские регионы находятся в Зауралье и на Чусовой, которые являются подлинным воплощением уральского пространства.

Нарисованная писателем карта Урала отличается основательной проработкой социальных и экономических особенностей территории. В то же время на ней появляется слой образных наблюдений и обобщений, в том числе символического характера. Предвосхищая формирование общеуральской геопоэтики, Мамин-Сибиряк конструирует связный литературный нарратив уральского пространства, в основу которого заложено картирование его основных территорий. А. В. Мельникова назвала этот вариант отображения пространства «первичным геопоэтическим портретом Уральской земли» [Мельникова, с. 192]. Уточняя характер творческого метода писателя, можно сказать, что в своей путевой очеркистике Мамин-Сибиряк создал первичную геопоэтическую карту Урала, выполнив миссию собирателя пространства.

Список литературы

- Абашев В. В.* Д. Н. Мамин-Сибиряк: У истоков геопоэтики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 51–59.
- Абашев В. В., Абашева М. П.* Литература и география: Урал в геопоэтике России // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. № 2 (19). С. 143–151.
- Абашев В. В., Власова Е. Г.* Цифровая картография в исследованиях литературы: опыт интерактивной карты по книге «Кама и Урал» В. И. Немировича-Данченко // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования : материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.) : в 2 ч. Пермь : [Б. и.], 2017. Ч. 2. С. 7–10.
- Дергачев И. А.* Пейзаж Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция // Модификации художественных форм в литературном процессе: Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник : сб. науч. тр. / отв. ред. Г. К. Щенников. Свердловск : УрГУ, 1989. С. 38–56.
- Дергачев И. А.* «Бессмертен поэт, чьи песни...» // Милые зеленые горы: Уральская природа в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / сост. И. А. Дергачев. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд.-во, 1990. С. 5–17.
- Калуцков В. Н.* Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А. П. Чехова (на материале очерков А. П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) // Географический вестник. 2021. № 3 (58). С. 74–91. DOI 10.17072/2079-7877-2021-3-74-91.
- Кунгурцева Н. А.* Типология пространства в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка (1875–1882) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2009. 20 с.

- Мамин Сибиряк Д. Н.* Самоцветы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск : ОГИЗ, 1947. С. 247–331.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Старая Пермь // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 12 т. Свердловск : Свердловск. обл. гос. изд-во, 1951. Т. 12. С. 291–338.
- Мамин Сибиряк Д. Н.* По Зауралью // Южный Урал. 1952. № 8–9. С. 17–87.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* От Урала до Москвы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 8 т. М. : Гос. Изд-во худож. лит., 1955а. Т. 8. С. 249–402.
- Мамин Сибиряк Д. Н.* Поездка на гору Ирмель. Из летних экскурсий // Южный Урал. 1955б. № 13–14. С. 173–187.
- Мамин Сибиряк Д. Н.* Золото // Мамин Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 8 т. М. : Худож. лит., 1955с. Т. 6. С. 7–263.
- Мамин Сибиряк Д. Н.* Мертвое озеро. Из летних экскурсий // Мамин-Сибиряк Д. Н. Повесть и рассказы. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1978. С. 86–104.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* В камнях. Из путешествия по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2007а. Т. 1. С. 446–478.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* От Зауралья до Волги. Путевые картинки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2007б. Т. 4. С. 370–400.
- Мельникова А. В.* Уральский ландшафт в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка первой половины 1880-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1–2. С. 190–193.
- Морозова М. М.* О литературных картах США // Псковский регионологический журнал. 2018. № 2 (34). С. 117–132.
- Созина Е. К.* Историко-культурный ландшафт Урала: к методологии исследования // Литература Урала: история и современность : Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 7–15.
- Moretti F.* The Atlas of European Novel. 1800–1900. L. ; N. Y. : Verso, 1998. 206 p.
- Neal A., Cooper D., Hones S. et al.* Editorial // Literary Geographies : [website]. 2015. Vol. 1 (1). P. 1–2. URL: https://literarygeographies.net/index.php/LitGeogs/article/view/1-1/pdf_2 (accessed: 20.09.2022).
- Piatti B., Bär H. R., Reuschel A.-K. et al.* Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction // Literary Mapping in the Digital Age. Abingdon : Oxon ; N. Y. : Routledge, 2016. P. 179–194.

References

- Abashev, V. V. (2009). D. N. Mamin-Sibiriyak: U istokov geopoetiki Urala [D. N. Mamin-Sibiriyak: At the Origins of the Geopoetics of the Urals]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (22), pp. 51–59.
- Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2012). Literatura i geografiya: Ural v geopoetike Rossii [Literature and Geography: The Urals in the Geopoetics of Russia]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (19), pp. 143–151.
- Abashev, V. V., Vlasova, E. G. (2017). Tsifrovaya kartografiya v issledovaniyakh literatury: opyt interaktivnoi karty po knige “Kama i Ural” V. I. Nemirovicha-Danchenko [Digital Cartography in Literature Studies: An Experience of an Interactive Map Based on the Book *The Kama and the Urals* by V. I. Nemirovich-Danchenko]. In *Tsifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Perm', 16–18 maya 2017 g.) v 2 ch.* Perm, S. n. Part 2, pp. 7–10.
- Dergachev, I. A. (1989). Peizazh D. N. Mamina-Sibiriyaka: shkola, struktura, funktsiya [Landscape in D. N. Mamin-Sibiriyak: School, Structure, and Functions]. In Shchennikov, G. K. (Ed.). *Modifikatsii khudozhestvennykh form v literaturnom protsesse: D. N. Mamin-Sibiriyak – khudozhnik*. Sverdlovsk, Ural'skii gosudarstvennyi universitet, pp. 38–56.
- Dergachev, I. A. (1990). “Bessmertn poet, ch'i pesni...” [“Immortal Is the Poet Whose Songs...”]. In Dergachev, I. A. (Ed.). *Milye zelenye gory: Ural'skaya priroda v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiriyaka*. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 5–17.

Kalutskov, V. N. (2021). Yuzhanin v Sibiri: literaturno-geograficheskoe issledovanie puteshestviya A. P. Chekhova (na materiale ocherkov A. P. Chekhova "Iz Sibiri" i ego putevykh pisem) [A Southerner in Siberia: A Literary and Geographical Study of A. P. Chekhov (with Reference to A. P. Chekhov's Essays *From Siberia* and His Travel Letters)]. In *Geograficheskii vestnik*. No. 3 (58), pp. 74–91. DOI 10.17072/2079-7877-2021-3-74-91.

Kungurtseva, N. A. (2009). *Tipologiya prostranstva v rannem tvorchestve D. N. Mamina-Sibiriyaka (1875–1882)* [Typology of Space in the Early Works of D.N. Mamin-Sibiriyak (1875–1882)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yekaterinburg, S. n. 20 p.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1947). Samotsvety [Gems]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Stat'i i ocherki*. Sverdlovsk, OGIz, pp. 247–331.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1951). Staraya Perm' [Old Perm]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Sobranie sochinenii v 12 t.* Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 12, pp. 291–338.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1952). Po Zaural'yu [Across the Trans-Urals]. In *Yuzhnyi Ural*. No. 8–9, pp. 17–87.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1955a). Ot Urala do Moskvy [From the Urals to Moscow]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 8, pp. 249–402.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1955b). Poezdka na goru Iremel'. Iz letnikh ekskursii [Trip to Mount Iremel. From Summer Excursions]. In *Yuzhnyi Ural*. No. 13–14, pp. 173–187.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1955c). Zoloto [Gold]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 6, pp. 7–263.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1978). Mertvoe ozero. Iz letnikh ekskursii [Dead Lake. From Summer Excursions]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Povest' i rasskazy*. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 86–104.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (2007a). V kamnyakh. Iz puteshestviya po reke Chusovoi [In Stones. From a Trip along the Chusovaya River]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 t.* Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Vol. 1, pp. 446–478.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (2007b). Ot Zaural'ya do Volgi. Putevye kartinki [From the Trans-Urals to the Volga. Travel Pictures]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 t.* Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Vol. 4, pp. 370–400.

Mel'nikova, A. V. (2013). Ural'skii landshaft v maloi proze D. N. Mamina-Sibiriyaka pervoi poloviny 1880-kh godov [The Ural Landscape in the Short Prose of D. N. Mamin-Sibiriyak in the First Half of the 1880s]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. No. 1–2, pp. 190–193.

Moretti, F. (1998). *The Atlas of European Novel. 1800–1900*. L., N. Y., Verso. 206 p.

Morozova, M. M. (2018). O literaturnykh kartakh SShA [On the Literary Maps of the USA]. In *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*. No. 2 (34), pp. 117–132.

Neal, A., Cooper, D., Hones, S. et al. (2015). Editorial. In *Literary Geographies* : [website]. Vol. 1 (1), pp. 1–2. URL: https://literarygeographies.net/index.php/LitGeogs/article/view/1-1/pdf_2 (accessed: 20.09.2022).

Piatti, B., Bär, H. R., Reuschel, A.-K. et al. (2016). Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction. In *Literary Mapping in the Digital Age*. Abingdon, Oxon, N. Y., Routledge, pp. 179–194.

Sozina, E. K. (2011). Istoriko-kul'turnyi landshaft Urala: k metodologii issledovaniya [The Historical and Cultural Landscape of the Urals: Towards Research Methodology]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*. *Istoriko-kul'turnyi landshaft Urala: literatura, etnos, vlast'*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Iss. 6, pp. 7–15.